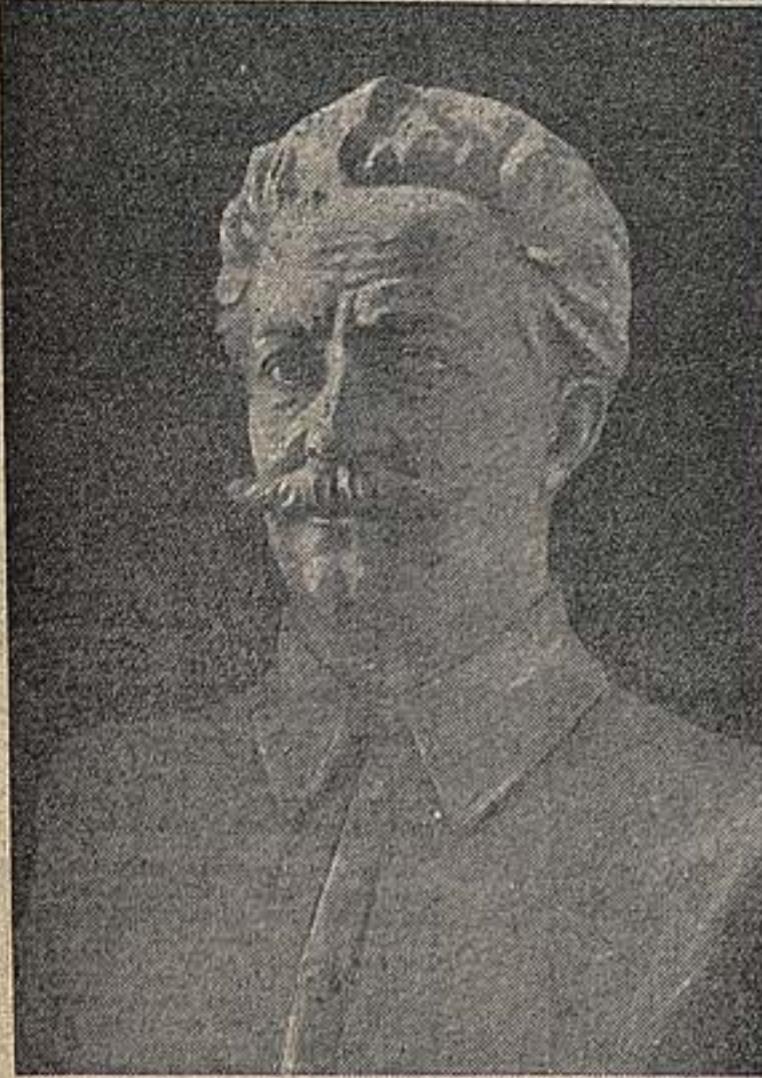

Григорий Константинович Орджоникидзе

Имя Серго

Серго Орджоникидзе. Бюст работы скульптора Теривашвили. Установлено на заводе «Красный Профинтерн» в гор. Орджоникидзе.

Друг искусства

Кажется, еще вчера и видел его на приемах в Кремле, в правительстве нашей, на наших выставках в МХАТ... Умер любимый ученик и друг великого Сталина. Бесконечно горе советского народа. Всю страну, трудающегося всего мира склонили свои головы у гроба великого Серго.

Когда Григорий Константинович был в театре, устанавливали какой-то неизвестный контакт между нами, актерами, и нашими дорогими гостями. Он всегда так искренне, так удивительно тепло относился к нам. Его глаза получали душевную любовь, неотвратимое обаяние. Там Орджоникидзе имел способность образа настоящего большевика, что жалко: ведь и жизненный оптимизм могли окружать все преграды.

Велика и ответственна была работа, порученная партии и правительству товарищу Серго. Мы все знали, что он перегружал чрезвычайно. Тем же менее той Орджоникидзе всегда находили время и место с товарищем Сталиным приходить на наши спектакли и всегда горячо реагировали на каждуюенную оценку, на каждую ладчую речь актера. Он горячо любил искусство, почитал и ценил его.

Работники искусства остались в живе Григория Константиновича чутко, любящего друга.

Народный артист Союза ССР
Л. М. Леонидов

Кристальной души человек

На заводе «Серги и молот» праздновали юбилей красного директора Степанова. Коллектив Малого театра поручил мне представлять хориста. Когда я вошла в зал, явно по моему адресу разразились бурные аплодисменты. Мне natürlich было заметно, что паникером я был. Тогда Орджоникидзе, однажды в президиуме, Так состоялось наше знакомство. В тот же день мы с ним уединились в Доме союзов, где был праздничный рабочий молескетовский транспорта. Григорий Константинович с улыбкой подировал со мной!

— Ну вот мы и сняты встречались!

Трудно, почти невозможно приняться с мыслью, что больше нет в живых товарища Орджоникидзе. Это был удивительный человек и замечательный революционер. Он умел народу с беззастенчивой искренностью и врагам народа сочетать в себе колоссальную любовь к людям, необычайную трогательность и преводуние.

Ноги и заборы, что необходимо было получить автомашину. В письме к товарищу Серго я просила прорвать мне машину на общих условиях. Через несколько дней мне позвонили из Кремля и сообщили, что по распоряжению товарища Орджоникидзе мне предложено автомашину М-1.

Я была буквально потрясена таким трогательным отношением к себе. Думала, как только отвратилась бы от болезни, тогда же отправлюсь благодарить Григория Константиновича. Не удалось это выполнить этого. Проще говоря, смерть унесла дорогого Серго.

Вместе со всей страной я скорблю о тяжелой утрате. Ушел из жизни большой человек, человек кристальной души.

Народный артист Союза ССР
М. М. Блюменталь-Тамарина

Беречь наших вождей

Когда утром 19 февраля я, включив радио, услышала траурный марш — мое сердце задрожало. Я покачнулась, что случилось счастье.

Слушаю короткое введение, мне сообщают о смерти Серго Орджоникидзе. Умер замечательный большевик, был именитый человек.

Еще позавчера я видела его на историческом съезде, утверждавшем сталинскую Конституцию. Еще недавно страна праздновала его 50-летие. И вот — его нет. С этой мыслью нельзя пренебречь. Ушла от нас чудесный человек — воплощение большевистской энергии и мужества.

Хочется кричать от боли. Хочется сказать всей стране: берегите здоровье, берегите праотеческие для нас жизни руководителей нашей партии и правительства.

Народный артист Союза ССР
Е. П. Корчагина-Александровская

Командарм

Тяжелой промышленности

Серго Орджоникидзе был большим другом советского искусства. Егоальная упрекаемость и революционный темперамент заслужили советских художников из большого творческого коллектива.

Когда я узнала, что иннициатором организации выставки «Иллюстрации социализма» был сам Орджоникидзе, мне стало сразу ясно, что этому делу будет придан широкий, еще нездешний размах. В беседе со мной по поводу этой выставки Григорий Константинович расстроил меня тем, что художники, которые должны будут участвовать в ней, в основном интересовались молодыми художниками.

Всеми художниками и другим встречу с тобой Серго. В 1926 году, когда я приступила к работе над картиной «Соединение Реввоенсовета», мне пришлось говорить с тобой. Всеми художниками и центральной фигурой должна была быть эта картина. Климент Беренсон предложил изобразить Ленинград в этой картине. Этому я придавала большое значение. Помни, я прошел целый день на даце у тоба. Ворошилова, где мы тогда и тоба Орджоникидзе. Мне удалось сделать тогда ряд замечаний и зарисовок для моей картины.

Вторым замечательным беседа с тобой Орджоникидзе у меня была о строительстве нового завода края в Ленинграде. Это огромной занятости дело было осуществлено в короткий срок, включительно благодаря поэзии твоей Орджоникидзе.

В последние дни я видел тоба. Серго на заседании Совета Наркомтяжпрома. И восхищалась его мудростью, его умными и острыми реалистичными языком, выражавшимся лицом. Советские художники должны в своем творчестве способом отразить образ, дела и жизнь этого замечательного лидера.

Заслуженный деятель искусств И. Бродский

Образ его никогда не умрет

Ушел из жизни один из самых выдающихся представителей советской гвардии пролетариата — Григорий Константинович Орджоникидзе. 50 лет прорвал тоба Орджоникидзе. Для третьего своего сезона жизни безуспешно покинул он землю рабочего класса, поднявшись к нему духовским, мудрым советом. В мае прошлого года в Кремле, во время встречи с членами грузинской делегации и единения, я вспомнил ему об этом, и он разразил свой глубокий приветственный смех. Серго был очень рад, что я стала советским выставщиком и своим работами заставила одних Трудового красного знамени.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала превосходное место в грузинской жизни. Ее горячую деятельность, его честность, честолюбие, которая приводила взволнованных зрителей, я любила.

Серго Орджоникидзе всегда требовал доблестных отношений в рабочем искусстве и первоначально все необходимые условия для творческой работы. Работа Серго в качестве секретаря Закавказского крайкома партии занимала прев

П. Соколов-Скаля

Пограничные впечатления

Мы сидели в кабинете начальника погранотряда. Всюду пограничники.

— Товарищи начальники, разрешите встать подводу?

— Затем нам подвода? — спросил начальник.

— Я только что тигра убил...

В такую душную ночь для пограничника ехали по узкой тропе у сажей Аму-Дарье. Вдруг они заметили широкое и движение в камышах. Кто-то тихо склонился за разговором. Пограничники спешивались. Один из них проходил вести лошадей, создавая впечатление движения, второй остался ждать врага. В двух шагах от места склонения на дорогу вышел тигр. Пугающая точка между глазами.

Другой случай: пограничники убили барса, нападшего на всадника.

— Но дорого ли нас это было? — сказала она начальница, показывая ему убитого зверя. Это было ее первым встрече с барсом.

И был на двух границах страны — афганской и таджикской. Первый раз приехал на границу в 1927 г., соединяясь с разгромом армии Нурмухамеда. С 1929 г. кружил он по Таджикистану, то скрываясь за горами, то совершая охотнические набеги на колхозы и милицейские посты. Наконец, его нашли окружеными и разбили пограничники. Но сам Нурмухамед скрылся. Пограничники его колхозами «краснодарчиками», прозванными так потому, что все их вооружение в бою с бандитами состояло из палок.

Я присутствовал при допросе Нурмухамеда. Перед мной стояли склонившиеся к земле участники горной и афганской скаков с баскетами сапогами вместе со мной за 150 километров в пески Каракумы, чтобы показать на месте все подозрения сражения, точно представить такие названия и убийства в бою. В обсуждении комиссии картины признались участники боев. Они хотели, чтобы картина рассказала истину о их героических товарищах.

Некоторые маскировки у бандитов поистине замечательны. Как-то я и мой спутник художники пошли купаться в Аму-Дарье. Жара стояла страшная. Пустынны, неестественные берега. Все живое спиртало в тени. Купались мы, разиняясь и дышащими по сущим рекам. Вдруг откуда-то раздалась стрела.

— Товарищи, не увлекайтесь. Вы уже в Иране.

Мы вернулись. Но места, откуда раздались голоса, мы так и не нашли. Как-то ночью мне пришлось ехать в поселок Гаштана мертвого. Дома. Но видно не эти. Но через каждые пять минут на прогонах дежавшие километры то и дело раздавались крики.

— Стой! Кто идет?

В самых неожиданных местах возникла фигура зловещего, прорвавшегося сквозь, и мы ехали дальше...

С границы и узкого глубокого ущелья: охрана нашей розины в руках замечательных героях заслужила. Небольшое природное обрушение, замечательные дали, простые, спокойные и героические, спятые наших границ, ждут своих живописцев.

С. Алибекян

Музика в Красной армии

1919 год. Южный фронт. Один из полков Богучарской дивизии с упорными боями пробивалась сквозь бело-гвардейские части, совершая ежедневно по 30–35-километровые переходы. Образы с продовольствием глохли за спасением, запасы пищи были исчерпаны. Прошloе дне падали. Видя пропасть, наступали на пограничников и с нашей стороны и из-за границы. Моя картина «Гибель героя» изображает хорошо мною известного по первому приезду работника НКВД г. Карпова, убитого последними басмачами. Как боролись с басмачами пограничники, яростно показывает факт, рассказывающий мне однажды в необычайной обстановке.

Я ехал на гиперборею по Аму-Дарье с красноармейцем Конюхом. В Москве ему должны были вручить орден.

тельные коллектива показывали еще одни замечательные ансамбли — красноармейские барабанщины, барабанщины из 30–35-километровых переходов.

Образы с продовольствием глохли за спасением, запасы пищи были исчерпаны.

Приезды в страну погибели — это же самое.

И впереди армии вышли многие популярные в стране песни: «Продолжай», «Лиризанс», «Лиризанс», «Полюшко», «Песня о Чапаеве», «Боевая красноармейская» и многие другие.

В новых формах работы музыкальной общественности Красной армии создала чрезвычайно интересную по своему характеру и составу оркестр, известный в армии под наименованием красноармейского самодеятельного оркестра. От обычного армейского духового оркестра самодеятельный отличается тем, что величина в своей составе всех, учащихся играть на любом музикальном инструменте. Целый раз самодеятельных оркестров уже получила широкую известность, как, например, оркестр школы морских летчиков им. Степанова, школы подводного плавания, одной из таких частей Красного военного округа.

Народное творчество, лучшие классические образы русской и западноевропейской музыки, песенные творчество, драма, частушки — все это находят самую живую отклики в красноармейской среде.

Эффект был неожиданный. Указ об этом предложении, бойцы голодавшими под каторгами отказались от продовольствия. Продовольствие пришло выпадающими.

С тех пор прошло много лет. Рынок красноармейской, изменился интересы. Изменилось вооружение Красной армии.

Но в своем большом арсенале Красной армии бережно сохранила искусство, в частности музыку.

Войска любят музыку. Любят, поют и по-настоящему ценят ее.

Помимо, несет давно, выдающиеся московские симфонические коллектива решительно обслуживающие ворота культуры шоуфеста одну из частей дальневосточной армии.

В программу были включены лишь произведения наиболее легкие для зрителя.

Казалось же было удивление московских музыкантов, когда при первом же своем выступлении в гонконгской части они услыхали, что красноармейская аудитория превосходно знает симфоническую музыку. Войска и командиры с благоговением прослушивали программы, но тут же заметили, что от такого первого впечатления, что они жили слишком.

Музыкальная культура в Красной армии стоит очень высоко. Работники культуры — культурные шоуфесты Красной армии — дают возможность слушать лучшие концерты. Сейчас в два десятка залов для Красной армии все музыкальные коллективы страны организуют специальные концерты для красноармейцев в командировках.

Почетное место в музыкальной работе Красной армии занимает также грамзапись.

Наибольший любовь в армии пользуется, естественно, музыкальная самодеятельность. Имеются сотни хоров, оркестров — симфонических, духовых и народных инструментов, квартетов, трио и прочих генеральных выступительных ансамблей.

Среди этих коллективов широкую известность и всемобщим приветствием пользуются красноармейская ансамбли Союза ССР и симфоническая оркестр Центрального дома Красной армии. В самое последнее время эти два коллектива значительно

расширили свои концертные программы.

Среди этих коллективов широкую известность и всемобщим приветствием пользуются красноармейская ансамбли Союза ССР и симфоническая оркестр Центрального дома Красной армии. В самое последнее время эти два коллектива значительно

расширили свои концертные программы.

Среди этих коллективов широкую известность и всемобщим приветствием пользуются красноармейская ансамбли Союза ССР и симфоническая оркестр Центрального дома Красной армии. В самое последнее время эти два коллектива значительно

расширили свои концертные программы.

Начало см. на 5-й стр.

Константин Зубов

Среди бойцов Дальневосточной

Время летит. Кажется, так недавно театр нам готовился к открытию в ДВК. Волнение, будущее изнутри, ощущение большой ответственности у каждого члена коллектива...

И вот уже четвертый месяц, как мы работаем в ОКДВА. Работаем, учимся. Учимся работать в новой, спешенной обстановке.

26 октября в четыре часа утра мы подехали к Хабаровску. Трудно было предполагать, что кто-нибудь из встречавших задержится на вокзале до прихода описанного на двадцать часов поезда.

И вот на вокзале, усыпанном большим количеством засыпки, мы увидели первых зрителей.

Каждый день наша работа убеждает нас в необходимости правильности и серьезности этого требования, определяющей цель и смысл нашего пребывания здесь.

Из начальной стадии мы вышли на этапа подготовки к выступлению.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.

Работа в театре, самодеятельность, консультации, выезды на места, беседы с приехавшими из мест советской администрации из Москвы, где у многих остались близкие люди, — это не ощущение минуты, это чувство.